

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

DOI 10.25991/VRHGA.2020.20.4.001

УДК 1(091)

*Филиппов Г. Г.**

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ БУДУЩЕГО, КОТОРОЕ УЖЕ НАСТУПИЛО

Современная философия исчерпала возможности новизны своих идей, поскольку действует в традиционных классических парадигмах о непреложности движения общества к лучшему будущему. Однако изменившаяся природная и социальная реальность характеризуется энтропийными тенденциями, т. е. инволюцией. Человеческая цивилизация перешла на ветвь нисходящего развития. Соответственно в понимании окружающего мира действуют уже другие парадигмы: о соизмеримости ценности человека; о свободе как принужденной необходимости; о неизбежности расчета (калькуляции) мыслей и действий в образе жизни в скудеющей среде обитания.

Ключевые слова: инволюция общества, рыночная ценность человека, рыночная ценность жизни, свобода как принужденная необходимость, калькуляция как образ жизни.

Filippov G. G.

PHILOSOPHY FOR THE FUTURE THAT HAS ALREADY COME

Modern philosophy has exhausted the possibilities of novelty of its ideas, because it operates in the traditional classical paradigms of the immutability of the movement of society to a better future. However, the changed natural and social reality is characterized by entropic tendencies, i. e. involution. Human civilization has moved to the branch of downward development. Accordingly, in the understanding of the world there are already other paradigms: about the commensurability of human values; about freedom as a forced necessity; about inevitability of calculation (forecasting) of thoughts and actions in a way of life in the scanty environment.

Keywords: involution of society; market value of person; freedom as a forced necessity; calculation as a way of life.

Современная философия за последние сто с лишним лет не принесла новых основополагающих теорий и концепций, сравнимых с классическими системами прошлого по грандиозности или по глубине постановки мировоззренческих

* Филиппов Герман Григорьевич, доктор философских наук, профессор Северо-Западного института управления, филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы; filippov156@yandex.ru

и методологических идей понимания нынешних научных достижений (новых идей нет, но есть новые академики). И не потому, что перевелись умные люди; ни по изощренности мышления, ни по запасам IQ и запасам информации наш век не уступает прошлым. На угасание мотивации к философскому познанию тоже затруднительно сослаться, поскольку и в популярной публицистике, и в расхожей беллетристике беспрестанно поднимаются сугубо философские вопросы и проблемы: куда идем, куда стремимся, зачем живем? Видимо, дело не в нашем искривившемся сознании и обленившемся субъективном духе, а в существенно изменившемся объективном мире, который зримо или подспудно диктует нам иные мысли и парадигмы.

В современной отечественной и европейской философии явственно прослеживаются несколько течений: саморефлексия, т. е. вторичный и третичный анализ философских идей и концепций прошлых философских систем; беллетристика (вежливо называемая литературной философией [11, с. 111–116]), представляющая собой анализ метатеории литературных образов и анализ мотивации литературных персонажей, а также реальных исторических лиц с точки зрения их описанного и предполагаемого поведения; мнимая философия, официально называемая постмодернистской, а со скрытым презрением — синтетической [12, с. 128]; плюралистическая философия, соединяющая разнородные идеи и концепции; эпистемология — якобы философия, а фактически — логический, лингвистический и семантический анализ формы и содержания высказываний во имя их точности и однозначности.

Такая ситуация была констатирована в профессиональных философских публикациях в начале нынешнего века. В одних случаях откровенно жестко и критично [3], в других — осторожно и примиренчески, с надеждой на светлое будущее в глазах функционеров философской когорты [3].

Характер сложившейся ситуации подтверждается раскладом тематики докторских диссертаций по философии в наступившем XXI в. По директивному определению Министерства образования и науки и Высшей Аттестационной Комиссии при нем, каждая докторская диссертация должна открывать новое направление в соответствующей науке, решать актуальные проблемы теории и практики, строиться на важнейших достижениях науки.

Но как в начале века, так и сейчас картина докторской тематики одинакова. Абсолютное большинство диссертаций посвящено социальной философии, хотя в этой области не видно прорывных (как теперь модно выражаться) достижений и эпохальных открытий, инициированных успехами в соответствующих конкретных социальных и социально-гуманитарных науках. Если посмотреть сайт Института философии АН РФ, то обнаруживается все та же картина: докторских диссертаций многие десятки за год (2017, 2018), и все по социальной тематике. Каждый год защищается одна-две докторских диссертации по философским вопросам науки и техники (неужто в естественных и технических науках не происходит теперь открытий, достойных внимания докторантов от философии?). Зато наблюдается плодovitое Возрождение натурфилософии, ее реставрация: философская антропология, философия хозяйства, философия управления, философия семейных отношений, философия психических отклонений, философия смерти и т. д. Не случайно появились

предположения о скором появлении книги о конце философии, наподобие «Конца истории», «Конца науки» и т. п.

Современное философское знание основывается на традиционных парадигмах классического этапа человеческого познания: у человека и природы сложились сбалансированные отношения при ведущей роли человека; общество идет по пути прогресса, хотя с трудностями и бедами, но к светлеющему будущему; познание и наука стали главным средством и основной гарантией преуспевания человечества; человек стал важнейшей, ни с чем не сравнимой ценностью мира. И философия превратилась в мировоззренческую опору человеческого бытия.

Однако парадигмы не существуют вечно и неизменно, как платоновские идеи, и не пребывают, подобно эпикуровским божествам, в интермундиях, не снисходя до прозы земного бытия. Парадигмы изменяются, появляются и уходят с переменами в объективной реальности, материальной и духовной. Или с обнаружением в нашем бытии и в нашем познании новых видов и сфер объективной реальности.

Похожие ситуации уже не раз случались в науках. Так произошло в физике в начале XX в., когда открыли качественно новый вид материальной реальности — микромир, в котором парадигмы и законы классической физики утратили объяснительную способность. Так случилось в химии, когда открытие периодического закона химических элементов качественно изменило парадигмы исследования и понимания атомного и молекулярного строения вещества. Так произошло в ходе научно-технической революции в середине XX в., когда открытие и вещественное воплощение искусственных химических материалов привело к созданию новых отраслей промышленности и, соответственно, новых технологий, рецептов и конструкторских решений, к созданию ранее неведомых отраслей техники.

Сходная ситуация наступила и для философии. Качественно изменилась природная реальность в сторону ускоренной деградации. Принципиально изменилось направление развития общества — оно пошло по пути инволюции. Поскольку эти изменения имеют не временный и не локальный характер, а относятся ко всей природной среде и ко всему человеческому обществу, то они являются предметом философского рассмотрения.

Последствия переломного характера этих двух событий в жизни земной природы и нашей цивилизации затеваются идеологизированным и политизированным потоком бодрых сообщений о локальных улучшениях экологической обстановки и точечных решениях острых социальных проблем в отдельных регионах в отдельных случаях отдельными властными органами (прямо-таки, как острили в горбачевские времена иные юмористы: «Лишь в отдельных магазинах нет отдельной колбасы»). Но отдельные факты ничего не доказывают. Доказательной силой обладает только система фактов и комплекс закономерных тенденций.

Доказательным аргументом в оценке состояния природной среды является экологический кризис эпохи индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Он представляет собой противоречие между обществом и природой, причем противоречие антагонистическое. А в классической философии ясно

было сказано, что антагонистическое противоречие разрешается через уничтожение одной из противоборствующих сторон (такое понимание антагонизма замалчивается или вовсе отвергается нынешними идеологическими посылами, страстно противостоящими признанию роли насилия в развитии).

Именно в этом духе еще в 70-е гг. прошлого века был сформулирован главный вывод комплексного исследования сообщества ученых «Римского клуба»: если все страны мира не перейдут к нулевому росту экономики (прежде всего промышленности и сельского хозяйства), то природа (среда жизни человека) погибнет уже в недалекой исторической перспективе. Последующие доклады «Римского клуба» вплоть до сегодняшнего дня продолжают обосновывать ту же тенденцию эволюцию природной среды, детализируя те или иные аспекты процесса изменения.

К ним относятся: исчерпание невозобновляемых ресурсов (минералы, углеводороды, руды и пр.) и даже возобновляемых (леса, воды, растительность и пр.); загрязнение всех сфер жизни человечества; неблагоприятные изменения в геноме человека. Количественные характеристики этих явлений и сроки их наступления пока что не вычисляются достаточно строго, но тенденции вырисовываются вполне определенно. Социальные следствия этой природной инволюции наблюдаются достаточно зримо. Сокращение природных благ видно на бытовом уровне: неуклонно повышаются цены на продукты из невозобновляемых и возобновляемых ресурсов. Качество этих продуктов все более отклоняется от прошлых, естественных качеств, память о которых еще сохраняется у старших поколений. Это касается не только пищевых продуктов, но и воды, питьевой и для купания, воздуха, не только в городах, но на удалении от городской среды, всякой растительности, которая все более насыщается неестественными синтетическими веществами.

Научные объяснения объективной детерминированности процессов исчерпания природных ресурсов только иллюстрируют неотвратимость деградации природы. Мечтательные надежды на предстоящие научные открытия, которые позволят преодолеть все трудности и беды путем создания новых источников энергии, не учитывают последствий изобилия энергии на планете. Ведь всякая энергия (электрическая, механическая, атомная и пр.) закономерно переходит в тепловую. А тепловая не уходит в космос, остается на Земле и разогревает воздух, почву, воды и прочие сферы. Но превышение земной температуры свыше 42 градусов сделает невозможным существование человеческого мозга.

Не менее финальной выглядит вторая черта экологического кризиса — растущее загрязнение всех привычных уже сфер человеческого существования (почвы, воздуха, вод, электрического и электромагнитного фона). К ним прибавилась новая сфера загрязнения повседневного человеческого существования — бытие в мусоре, бытие от производственных и транспортных отходов до безмерных объемов информационного мусора от интернета и всех средств массовых коммуникаций.

Наконец, экологический кризис порождает неблагоприятные деформации в геноме человека. Хотя мировая и национальные статистики регулярно сообщают об успехах в борьбе с болезнями и о растущей продолжительности жизни населения, но прямо не говорят о состоянии здоровья населения и динамике

изменения этого состояния. Вычислять эту динамику — дело специального исследования с разбором полемических проблем и противоречивых позиций. Но имеется однозначный и аргументированный конечный вывод Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), определяющий сущность здоровья: это такое психическое и физическое состояние человека, при котором он чувствует себя комфортно. Показатель здоровья, как видно, опирается на субъективную оценку самого пациента или врача.

А в прошлом веке, лет пятьдесят тому назад, уровень здоровья определялся по объективным, материальным показателям: по постоянной величине веса во взрослом состоянии, по жизненной емкости легких, по проценту гемоглобина в крови, по отсутствию изъянов в организме и т. д. (при отборе в первый отряд космонавтов в СССР, в который были приняты Ю. Гагарин и Г. Титов, непреодолимой преградой были такие физические дефекты, как наличие пломбы хотя бы в одном зубе, наличие переломов костей даже в далеком детском возрасте). Такого рода показатели также соответствовали нормативам ВОЗ. Окончательный вывод об отрицательной динамике уровня здоровья подтверждает практика — практика медицинского отбора на воинскую службу тогда и сейчас [2].

Оценивая в целом состояние среды обитания человека приходится признать реальность устойчивой закономерной тенденции ее ухудшения, деградации. Соответственно, в изменившейся среде меняются правила и алгоритмы жизни и выживания.

Современная социальная среда обнаруживает не меньше новых реальностей, чем природная, прежде всего в экономической и политической сферах. Но нагляднее всего эти инновационные реальности проявляются в области искусства. К тем новообразованиям, которые выявил О. Шпенглер сто лет тому назад, приросли дополнительные эрзац-продукты культуры и цивилизации. Ушли в разряд антиквариата поэзия, беллетристика, оперное искусство, живопись, классическая музыка, драматический театр. Однако многие из них остались в мутантной форме. Беллетристика соединилась с детективом и фэнтези, театр — с «авторской редакцией» с порнографическим уклоном. Классическая музыка состыковалась с атональной музыкой, рэпом и роком. Эстрадная музыка превратилась в смесь шума, крика и акробатических экзерсисов полуголых парней и девиц. Все это закономерно, ибо без этого коктейля не будет продано экономически оправданное количество билетов.

Но основные изменения объективной социальной реальности связаны с экономикой и ее концентрированным выражением — политикой. Современная рыночная экономика стала только финансово ориентированной, т. е. ориентированной не на производство многообразных товаров и услуг, а на производство денег в максимально возможном объеме. Деньги и прочие производные от них варианты (дериваты) стали товаром, который в своем обороте приносит максимально возможную прибыль при минимальных затратах на их печатание, перемещение, охрану и хранение. Поскольку они являются всеобщим эквивалентом любых товаров и услуг и имеют, таким образом, универсальный характер, постольку предельно упрощают все экономические и все человеческие отношения. Тем самым реальная структура общественных

отношений определяется точками размещения крупных денежных средств и связей между ними.

Эта реальность кажется в текущей повседневности неосозанной и ненаблюдаемой, почти виртуальной. Но так только кажется бытовому здравому смыслу. Огромный объем денежных средств, накопленных в мире, позволяет их превратить в нужное время в желаемом месте в любые материальные объекты — от пищевых продуктов до смертельного оружия. «К концу 2008 г. стоимость обращающихся на мировых финансовых рынках дериватов (516 триллионов долларов) примерно в 10 раз превысила величину мирового ВВП» [7, с. 22]. И политические решения в дисциплинированно принимаются в соответствии с этой якобы виртуальной реальностью.

В современной рыночной экономике появился еще один вид экономической реальности, ранее неведомый механизм ее действия — это превращение конкуренции («невидимой руки» — регулятора и двигателя развития экономики и технического прогресса) в могучий инструмент монополизации рынка сужающимся кругом крупных финансовых субъектов. Благодаря наличию больших объемов свободных денежных средств и ограниченности объектов их вложения с ожидаемой прибылью появилась реальная возможность с помощью вполне законных действий вытеснить конкурентов и занять их место.

Таких способов достаточно много. Это временное резкое понижение цен на собственную аналогичную продукцию, пока нежелательный конкурент не разорится, утратив прежнюю клиентуру. Это скупка предприятий-поставщиков сырья или комплектующих изделий, обеспечивающих намеченного к уничтожению конкурента, а затем их отказ от прежних заказов. Это скупка определенного количества акций предприятия-конкурента, которое дает возможность смены его руководства, его экономической политики или даже мнимого банкротства путем, например, взятия абсолютно невозвратимого кредита (в журнале «Черные дыры» в российском законодательстве» описано за последние десять лет немало подобных случаев).

В социально-политической сфере также появились новые реальности: новый субъект общественной жизни — прекариат, параллельная экономика — «теневая», параллельная политическая власть. Прекариат как большая социальная общность взрослых людей, преимущественно молодых, которые не имеют постоянной работы, не имеют достаточной профессиональной подготовки и профильного образования для постоянного рабочего места. Поэтому они живут временными занятиями и случайными заработками, социальной помощью от государства, на иждивении родственников, полукриминальными и криминальными подработками. Они часто заняты в «серой» экономике, где нарушение законов связано только с налоговыми и административными уклонениями. Эти люди не регистрируются в государственных органах в качестве предпринимателей, не платят налогов, числятся официально безработными, получая соответствующие пособия, пользуются бесплатными услугами, установленными государством для всего населения.

Прекариат в силу своего экономического положения является неорганизованной социальной общностью и поэтому в политической сфере общества занимает неустойчивую и труднопредсказуемую позицию. Но в силу своей

многочисленности он выступает реальным субъектом противоречивых общественных процессов. То он оказывается фигурантом протестных и анархических движений, то непритязательным «болотом», молчаливо поддерживающим действующую власть.

Параллельные экономические процессы порождают адекватные формы параллельной политической власти. Это не только и не столько «теневые кабинеты» политических партий, рвущихся к власти. Это не клубы мечтателей типа «что бы я сделал, если бы стал (президентом, министром, директором, генералом, капралом...)». Это организации прикрытия двух типов. Первый — различные общественные организации, официально объявляющие себя политически нейтральными, публично клянущиеся в своей неполитичности (спортивные и физкультурные союзы, музыкальные фонды и объединения, художественные и литературные ассоциации, волонтерские объединения и т. п.), но скрытно поддерживающие действующую власть и верно служащие ей и бесплатно, и за большие деньги, и за обещания «хлебных» должностей. Второй тип — скрытные противники власти и политического режима, изобретательно избегающие нарушения законов. Совсем не обязательно, чтобы это были какие-то подпольные и конспиративные кружки и организации, тайные общества и церковные ордена. Современная история накопила много форм иезуитского противостояния властям предрежащим. Во времена столыпинской реакции в России, когда пресекались на корню любые организованные формы несогласия и протеста, появились сходки враждебной самодержавию интеллигенции в виде «профессорских банкетов» с революционной пропагандой и агитацией. На заводах сложились вроде бы безобидные кассы взаимопомощи. Но в их члены принимались только сочувствующие революции, а ссуды выдавались тем, «кто за большевиков». Во времена фашистской диктатуры в Германии в рамках Большого Берлина выходило около 5000 муниципальных листков и газет, в которых осмеивались и критиковались промахи и ошибки политического режима. В наше время уже несколько десятилетий в периоды массовых критических настроений генерируются потоки анекдотов о деятельности политических структур. Интернет позволяет неконтролируемо организовывать временные массовые движения, которые как политические флуктуации возникают неожиданно для власти и ненаказуемо растворяются в социальном пространстве.

Появление всех этих видов природной и социальной реальности свидетельствует об инволюции и дезорганизации среды человеческого обитания. Идея управляемости социума сменилась поиском других средств и форм управления: управление в условиях неопределенности, управление хаосом, управление проектами, цифровое управление цифровым обществом.

Понять и объяснить новую ситуацию стало невозможно в рамках традиционной философской парадигмы — общество неуклонно движется по пути прогресса, конечно, с зигзагами и отклонениями, скачками и временными отходами от генеральной линии прогрессирования. Ныне прогрессистский оптимизм исчерпан. Новации в философской мысли могут быть связаны уже с другими парадигмами, которые выражают иное положение человека в существенно изменившемся мире.

Человек перестал быть главной, ни с чем не соизмеримой ценностью. Человек обрел стоимость как природный объект и как социальное существо. Он стал в ряд прочих соизмеримых ценностей. В экономической науке возникают новые ветви, измеряющие ценность человека в различных аспектах его бытия и небытия: экономика человека, цена человека, кладбищенская экономика, экономика здоровья и т. п. [9; 1; 13]. Уже измеряется рентабельность человека: стоимость вложений в его рождение, воспитание, образование, профессиональное становление, социальное обеспечение. Соответственно измеряются его отдача в качестве активного производящего субъекта и пределы баланса доходов от него и расходов на него, особенно в старости [17, с. 11–16]. В атомной энергетике уже давно (с прошлого века) дается цена человеку. В медицине также арифметически высчитывается стоимость вылечения (не лечения!) пациента. Из-за размаха миграционных процессов в мире количественно выявляются вопросы цены жизни, здоровья, лечения мигрантов для отдельных стран [15, с. 11].

В соответствии с пределом рентабельности человека строится социальная политика уже почти всех государств. Бюджетные расходы на здравоохранение уменьшаются, объем платных медицинских услуг неуклонно растет. Предельный возраст выхода на пенсию растет повсеместно, где быстрее, где медленнее. Объяснение откровенное: люди стали жить все дольше, численность молодых, трудоспособных поколений сокращается, а когорта пенсионеров неудержимо растет, как и расходы на их содержание.

Логично появление новой парадигмы отношения общества к гражданину: от каждого — по социальной необходимости каждому — по экономической возможности.

Социальное неравенство неудержимо растет с каждым годом и между странами, и в каждой стране, его уже невозможно квалифицировать как временное отклонение. Это историческая закономерность, преодолеть которую даже технически невозможно. Если даже разделить поровну всё имущество, все товары и все услуги в рамках рыночной экономики, то получится общество равной бедноты со случайными флуктуациями обеспеченности отдельных субъектов.

Поскольку экономической сущностью индивида стал «человеческий капитал», то уже на этапе его первоначального капиталистического накопления закладываются неискоренимые основы экономического и социального неравенства. Логично становление новой парадигмы: социальное неравенство объективно, закономерно и справедливо.

Философская мысль прямо или косвенно отражает изменившуюся реальность уже сейчас, опережая будущее. Философские исследования и, стало быть, выводы неуклонно идеологизируются и политизируются, подчиняясь рыночным приоритетам. Солидные научные журналы, популярная публицистика и регулируемый Интернет продвигают такие философские тексты, которые находят заинтересованную финансовую поддержку. Тексты, ориентированные прежде всего на объективное исследование, находят место преимущественно в малотиражных и в провинциальных изданиях. Основное место в оскудевшем потоке философских публикаций занимает новая философская схоластика, которая ищет смысл в приложении строгих естественнонаучных терминов

к невятным оценкам непонятых социальных ситуаций [14; 18]. Примерно такого рода: является ли траектория демократии (в стране икс или игрек) совокупностью точек перегиба.

Главную парадигму философской мысли в новой реальности будет диктовать энтропийная тенденция среды обитания — упрощение, примитивизация всех процессов и результатов развития (в популярном смысле: всего на всех уже не хватает и будет не хватать все больше). В соответствии с гегелевским законом отрицания отрицания все существующее несет в себе зародыш своей будущей гибели, и на нисходящей ветви развития реальное будущее оказывается предостережением прошлым, но в ухудшенном варианте. Но во времена Г. Гегеля не было еще конкретных исследований о возможных путях инволюции общества, деталях и механизмах его деградации. Тогда неоспоримо господствовали идеи И. Г. Гердера и Ж. А. Н. Кондорсе об объективном поступательном развитии общества, о решающей роли науки, которая на перспективу обеспечивает нескончаемый прогресс социума.

В наше время конкретных исследований, теоретических концепций, публицистических очерков и научно-фантастических романов накопилось достаточно много [5; 8; 10; 4; 6], что позволяет говорить о применимости гегелевского закона к современному обществу. Это становится все более видно по мере насыщения текущей мировой истории трагикомедией и фарсом [16].

Противостоять энтропии человеческого общества, точнее, затормозить ее наступление можно только силой организации, т. е. постоянным повышением уровня организованности всех процессов и институтов общества, всех человеческих общностей и самой сущности человека. Чтобы сохранить жизнеспособность человека и социальных организаций, необходимо все экономнее расходовать природные ресурсы и собственно человеческие силы и оптимально соединять их сочетание и действие. Романтика щедрого прогресса осталась позади. Старение поневоле толкает к прозе жизни, вынуждает к осторожности и трезвому расчету. Приходится все время считать, чтобы жить в неопределенности, не впадая в отчаяние. В скудеющей среде правилом жизненного существования становится постоянная калькуляция помыслов и поступков, мыслей и действий.

Соответственно претерпевает перемену понимание сущности свободы каждого социального субъекта. Это уже не только познанная необходимость, не только обладание господством над всеми природными и социальными силами и уж не полный расцвет и проявление человеческого потенциала, но, в первую очередь, усвоенная организованность, понятая как тотальная необходимость, принятая чувством как залог жизненного существования и постоянно осуществляемая в отдельных действиях и во всем поведении. В обычной повседневности свобода окажется принужденной необходимостью, с которой приходится смириться. К этому будет побуждать главная экономическая парадигма: насколько нам (и мне тоже) по силам и по средствам данное действие (или бездействие).

За философией как отраслью научного знания остается важный удел — трезво объяснять осень человечества, не впадая в истерику и не теряя достоинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А. Сколько стоит жизнь человека в России? // Экономическая политика. — 2014. — № 1. — С. 54–65.
2. Боровик А. Как я был солдатом американской армии. — М.: Изд-во Агентства «Новости», 1989.
3. Вестник РХГА. — 2008. — Т. 9, вып. 2. — Раздел «Философия в России: современное состояние и перспективы».
4. Гофман М. Маскарадный костюм благопристойности и наивное невежество // Человек и труд. — 2011. — № 10. — С. 70.
5. Ершов Ю. С. Почему падают темпы роста мировой экономики. Точка зрения // ЭКО. — 2017. — № 12. — С. 24–26.
6. Ефремов И. А. Час быка. — СПб.: Азбука, 2016.
7. Караганов С. Труд и капитал // Российская газета. — 2008. — 6 февраля. — С. 22.
8. Ларина Е., Овчинский В. Черный шар и глобальная инквизиция Ника Бострома // Наш современник. — 2019. — № 2. — С. 141–147.
9. Марцинкевич В. И., Соболева И. В. Экономика человека: учеб. пособие для высших учеб. заведений. — М.: Аспект Пресс, 1995.
10. Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир: доклад Национального разведывательного совет США. — М.: Европа, 2009.
11. Никифоров А. Л. Научная и литературная философия // Личность. Культура. Общество. — Т. X, вып. 2 (41). — С. 111–116.
12. Пилипенко А. А. Сумерки философии // Личность. Культура. Общество. — Т. X, вып. 2 (41). — С. 126–130.
13. Попов А. Н., Суворова Н. Н. Цена жизни человека в экономических расчетах. Научный доклад. — Челябинск: ЧелГУ, УралГАФК, 1999.
14. Сокал А., Бриксмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина; предисл. С. П. Капицы. — М.: Дом интеллектуальной книги. 2002.
15. Суворова Н. Н., Попов А. Н. Цена жизни как обобщенная характеристика личности мигранта. Научный доклад. — Челябинск: УрСЭИ, 2000.
16. Филиппов Г. Г. Технологии социального манипулирования. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018.
17. Фролов О. Стоимость человеческой жизни в России и за рубежом // Справочник специалиста по охране труда. — 2010. — № 2. — С. 11–16.
18. Фуко М. Об «Искушении святого Антония» Гюстава Флобера. — М.: ЦЭМ, V-A-C press, 2018.